

СВЕТ ВО ТЬМЕ

АНТИУТОПИЯ

ИВАН ЛОРД

Иван Лорд

Свет во тьме

<https://litres.ru/74240477>

SelfPub; 2026

Аннотация

Как просыпаться каждое утро в мире, где у тебя есть всё, кроме свободы?

Марк — образцовый гражданин Элизиума. Он стирает чужие воспоминания и считает, что лечит людей. У него есть работа, еда, рекреационные симуляции и заботливый голос Мириам.

У него нет только одного — права чувствовать. Всё меняется, когда на его терминал приходит нейрограмма казнённой женщины по имени Серафима. Марк начинает искать ответы. Они приводят его в пустоши, к людям, которые живут вне Системы, к старику по имени Иона, к хлебу и чаше. К вере, которая сильнее страха. К любви, которую он три года назад предал, потому что боялся.

ДЛЯ КОГО ЭТА КНИГА

Для поклонников «1984», «О дивного нового мира» и «Мы».

Для тех, кто ищет не просто антиутопию, а историю о силе духа.

Для читателей, которые любят напряжённый сюжет, философскую глубину и трогательную любовную линию.

Для всех, кто когда-либо задавался вопросом: что мы теряем, когда выбираем покой вместо свободы?

Скачай и прочитай — пока это не запретили.

Содержание

Глава 1. Оптимальное утро	5
Глава 2. Серая зона	17
Глава 3. Мнемохирург	33
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Иван Лорд

Свет во тьме

Глава 1. Оптимальное утро

Марк проснулся за секунду до сигнала. Он всегда просыпался за секунду до сигнала. Ему казалось, что он слышит какой-то тихий щелчок внутри головы, прямо перед тем, как Мириам желала ему доброго утра. Но никакого щелчка не было. Просто тело привыкло. Тело вообще ко многому привыкает, если дать ему достаточно времени и не менять расписание.

— Доброе утро, гражданин Марк 112, — сказала Мириам. Голос у неё был мягкий и ровный. Марк сам выбрал этот голос много лет назад, когда проходил первичную настройку личного интерфейса. Ему предложили несколько вариантов: мужской, женский, нейтральный, формальный, дружеский. Он пролистал их все и остановился на женском, с пометкой «заботливый». Ему показалось, что так будет уютнее. С тех пор Мириам говорила с ним именно так — с интонацией, в которой не было настоящего чувства, но была его убедительная имитация.

— Индекс твоего сна — восемьдесят семь процентов, — продолжила она. — Фаза быстрого сна сокращена на четы-

ре минуты для оптимизации графика. Ты прекрасно выглядишь.

Марк не ответил. Он лежал на спине и смотрел в потолок. Потолок был матовый, белый, без единого пятна. Он был точно такой же, как вчера, месяц назад, год назад. Всё в капсуле было точно таким же. Анатомическое ложе подстраивалось под тело незаметно, без скрипов и толчков. Оно просто повторяло контуры его позвоночника, плеч, бёдер. Марк иногда думал, что если бы он умер прямо здесь, капсула бы ещё долго держала его в своей мягкой, тёплой ладони, не замечая, что он уже не дышит.

— Запустить утренний протокол, — сказал он.

Створки над головой раздвинулись, и внутренний экран ожил. Он показывал стандартную заставку: медленный восход над спокойным океаном. Краски были тёплые, золотистые. Волны двигались плавно, гипнотически. Марк смотрел на них каждое утро и уже не замечал. Он вообще мало что замечал по утрам. Утро было не временем для чувств, а временем для процедур.

Из ниши в стене выдвинулся поднос. На нём лежал батончик в герметичной упаковке и тюбик с тёплой жидкостью. Батончик назывался «Нутрикомплит 7», жидкость маркировалась как «Кофе. Синтез». Марк разорвал упаковку и откусил кусок. Вкус был нейтральный, слегка сладковатый. Он не был противным, но и приятным его назвать было трудно. Просто еда. Просто топливо. Он съел батончик за шесть уку-

сов, как всегда, и запил из тубика. Кофе был чуть горьковатым и пах чем-то химическим, но запах быстро выветрился.

Пока он ел, Мириам выводила на экран данные утреннего биоанализа. Цифры всплывали одна за другой, окрашенные в зелёный — всё в норме. Уровень кортизола — зелёный. Дофаминовый баланс — зелёный. Индекс социальной лояльности — девяносто два процента, зелёный. Марк скользнул взглядом по цифрам и ничего не почувствовал. Он не гордился своим здоровьем, не радовался стабильности. Это была просто данность. Как погода за окном, если бы у него было окно.

— После приёма пищи рекомендована рекреационная симуляция, — напомнила Мириам. — Сегодня тебе доступны два варианта: «Лазурный пляж. Индивидуальный заплыв» и «Цифровой партнер. Модель Лира. Девять и четыре десятых балла соответствия твоим предпочтениям».

Марк допил кофе и бросил тубик в утилизатор.

— Пляж, — сказал он.

Симуляция включилась мягко, без резких переходов. Сначала изменился звук: вместо тихого гудения капсулы он услышал шум волн. Потом изменился свет: он стал ярче, солнечнее. Потом подключились тактильные датчики, и кожа почувствовала тепло. Марк лежал и смотрел, как волны накатывают на песок. Он чувствовал, как ветер трогает волосы, хотя ветра не было. Он чувствовал запах соли, хотя соли тоже не было. Всё это создавали датчики, вживлённые под ко-

жу, и нейрошунты, подключённые к височным долям мозга. Технология была старая, надёжная, отлаженная до мелочей. Она не давала полного погружения — полное погружение было доступно только в профессиональных симуляторах, — но для утренней рекреации хватало с лихвой.

Марк смотрел на волны и думал о том, что никогда не видел настоящего моря. Он знал, что моря ещё существуют где-то там, за пределами ульев. В новостях иногда показывали панорамы океанского побережья. Но он никогда не стоял на берегу. Он никогда не трогал песок настоящими пальцами. Песок в симуляции был тёплый и мягкий, но он исчезал сразу, как только сеанс заканчивался. От него не оставалось ничего — ни крупинки, ни запаха, ни воспоминания о прикосновении.

Сеанс длился ровно четыре минуты. Когда он закончился, Марк снова лежал в белой капсуле и смотрел в белый потолок. Наваждение ушло. Он прикоснулся кончиками пальцев к гладкой поверхности стены. Она была прохладная, твёрдая. Настоящая.

— Сеанс завершён, — сказала Мириам. — Уровень дофамина повышен на три процента. Эмоциональный фон стабилизирован. Время одеваться.

Марк сел на ложе и потянулся. Мышцы отозвались привычной лёгкой болью — они затекали за ночь, несмотря на все ухищрения анатомического матраса. Он встал, прошёл к шкафчику и достал комбинезон. Серый, стандартный, с его

личным номером на груди: Марк 112. Ткань была мягкая, эластичная, приятная на ощупь. Она облегала тело, не стесняя движений, и сама подстраивалась под температуру кожи. Марк оделся и проверил идентификатор на виске — крошечную светящуюся точку, которая пульсировала мягким зелёным. Если бы точка была красной, ему пришлось бы остаться в капсуле и ждать санитаров. Но она была зелёной, и это значило, что день начнётся как обычно.

— Новостная врезка готова, — сообщила Мириам. — Включить?

— Включай.

Прямо перед глазами, на сетчатку, спроецировалось изображение. Земной шар, опоясанный радугой. Символ Гегемонии Света. Музыка — плавная, успокаивающая, без резких нот. Диктор — мужчина с приятным лицом и хорошо поставленным голосом. Он говорил чётко, но без напора.

— Великий Управитель Кай утвердил новый этап проекта «Единение». Уже через несколько месяцев технология «СО-ЛА ФИДЕ» позволит каждому гражданину ощутить радость полного слияния с сознанием ближнего. Войны и недопонимание уйдут в прошлое. Религия Универсалис благословляет этот шаг.

Марк слушал вполуха. Он натянул ботинки и проверил шнуровку. Слова диктора скользили мимо сознания, как вода по стеклу. Технология, единение, прорыв — всё это он слышал много раз. Новости были частью фона, как шум вен-

тияции или гудение капсулы. Если бы их вдруг не стало, он бы заметил пустоту, но пока они были, он их не замечал.

Диктор продолжал:

— Верховный Священнослужитель Универсалис призвал граждан встретить эру единства с открытым сердцем. «Мы — клетки единого организма, — сказал он на вчерашней церемонии. — Только в слиянии сознаний мы обретём истинный мир».

Марк выпрямился и одёрнул комбинезон. Изображение погасло. Мириам напомнила, что до начала рабочей смены осталось двадцать минут. Он вышел в шлюз и подождал, пока завершится короткая дезинфекция — вспышка холодного света, запах озона, сухой ветер из вентиляторов. Дверь открылась.

Жилой коридор был длинный, изогнутый, безликий. Сотни одинаковых дверей по обе стороны. Из них выходили такие же фигуры в серых комбинезонах и двигались к гравитационным лифтам. Никто не разговаривал. Никто не смотрел друг на друга. Иногда кто-то поднимал руку в коротком приветствии, и встречный отвечал тем же. Ритуальные фразы звучали приглушённо, почти без интонации:

— Свет Един.

— В Единстве ответ.

Марк тоже сказал это пару раз, проходя мимо соседей. Он знал их имена — Кассия 45, Элиан 89, Дариус 7. Имена, данные им Системой при рождении. Красивые, звучные, героиче-

ческие. Их выбирали из древних списков, чтобы создать иллюзию величия, корней, истории. Но это были просто ярлыки. Как номера, только с приятным звучанием. Марк знал их имена, но не знал их. Имена без фамилий, без родословных, без связей. Как цветы в питательном растворе — красивые, но без корней. Он смотрел на соседей и видел только номера на груди, потому что имена были пустыми. Они ничего не значили. Их давала Система, и Система могла их отнять. В Элизиуме фамилий не было уже три поколения. Их отменили как пережиток эпохи, когда люди цеплялись за кланы и кровь. Теперь у каждого было только имя — дар сверху — и номер для точной идентификации. Имя без истории. Без памяти. Без души. В гравитационном лифте было тесно. Люди стояли плечом к плечу и смотрели в пол или на светящиеся полосы индикаторов. Марк оказался зажатым между женщиной с бледным лицом и высоким мужчиной, у которого на виске пульсировала чуть более яркая, чем обычно, точка. Лифт дёрнулся и поехал вниз, и на мгновение у всех одновременно подкосились ноги — старая конструкция, гравитация работала с перебоями. Никто не упал. Никто не выругался. Такое случалось каждый день. Люди просто переждали толчок и вышли на своих этажах.

Уровень транспорта встретил Марка шумом и сквозняком. Здесь было просторнее. Платформа тянулась на сотни метров, вдоль неё стояли гравипоезда — длинные серебристые капсулы с панорамными окнами. Марк вошёл в бли-

жайший вагон и сел у окна. Места были мягкие, обволакивающие, но он сел на край, чтобы не расслабляться. Через несколько минут начиналась смена.

Поезд тронулся плавно, почти беззвучно. За окном поплыл город. Марк смотрел на серые пирамиды ульев, на ровные полосы зелени между ними. Зелень была синтезированной — трава не росла в земле, она росла в питательном растворе, и её запах был химически выверен. Пахла она приятно, но ненастояще. Как и кофе. Как и море в симуляции. Всё в мире было приятным и ненастоящим.

Поезд сделал плавный поворот, и вдали показалась статуя Великого Управителя. Она была огромная. Она возвышалась над ульями, над линиями поездов, над всем. Человек с распростёртыми руками, излучающий тепло — там был встроен термальный генератор, и над ладонями всегда дрожал нагретый воздух. Марк смотрел на статую и вспоминал лицо Кая, которое видел в трансляциях. Спокойное лицо. Молодое, хотя Кай правил уже тридцать лет. Говорили, что он не стареет благодаря биотехнологиям. Говорили, что он лично следит за проектом «Единение». Говорили много разного. Марк не знал, чему верить, да и не думал об этом. Управитель был где-то далеко, его работа была где-то близко, и между ними не было связи.

Над левой кистью статуи монтировали какую-то надстройку. Там сустились маленькие фигурки рабочих, горели огоньки сварочных аппаратов. Надстройка была похожа на

антенну — длинный шпиль, уходящий вверх, в серое небо. Марк вспомнил новостную врезку. Наверное, это часть проекта «СОЛА ФИДЕ». Очередная технология, которая сделает всех счастливыми.

— Мириам, — сказал он тихо, чтобы не привлекать внимания соседей. — Что такое «СОЛА ФИДЕ»?

— Технология массового нейронного сопряжения, — ответила она в наушник, так же тихо. — Позволяет объединить сознания всех граждан в единую сеть под управлением центрального ИИ. Обеспечивает устранение межличностных конфликтов, чувства одиночества и экзистенциальной тревоги. Более подробная информация будет предоставлена после завершения фазы тестирования.

— Понятно, — сказал Марк и снова отвернулся к окну.

Он не испытывал любопытства. Технологии появлялись и исчезали. Одни симуляции сменяли другие. Он привык. Он был частью этого мира с рождения и не знал другого. Ему не с чем было сравнивать.

Поезд замедлил ход и остановился у платформы рабочего сектора F. Марк вышел и вместе с толпой двинулся к улью. Тот высился над головой серой громадой, уходя стенами в небо. Вблизи он казался ещё более безликим, чем издалика. Окна отсутствовали. Их заменяли светящиеся панели, которые меняли цвет в зависимости от времени суток. Сейчас они были бледно-голубыми — цвет начала рабочего дня.

У входа висел огромный голографический баннер с сим-

волом Гегемонии — земным шаром, опоясанным радугой. Под ним — надпись: «Мы — клетки единого организма». Марк прошёл мимо, даже не взглянув. Он видел этот баннер каждый день. Он мог бы нарисовать его по памяти, если бы умел рисовать.

Внутри улья было светло и тихо. Рабочий зал тянулся на сотни метров, разделённый на сектора прозрачными перегородками. Ряды терминалов стояли ровно, как стулья в старых храмах, о которых Марк ничего не знал. Каждый терминал был похож на медицинскую капсулу, только меньше. Ложе, подголовник, экран, сенсорные панели. Сотрудники занимали свои места, ложились, подключали интерфейсы. Всё происходило без суеты, без разговоров. Люди знали свою работу, и они делали её.

Марк прошёл в сектор «М» и нашёл свой терминал под номером 112. Он лёг на ложе, поправил подголовник и закрыл глаза. Интерфейс мягко вошёл в контакт с имплантом на виске — короткий импульс, лёгкое покалывание, и перед внутренним взором развернулся рабочий стол. Панели, графики, индикаторы. Всё зелёное. Всё готово.

— Доброе утро, коллеги, — раздался голос из общего канала. Это был Верховный Священнослужитель Универсалис. Его голос звучал из каждого терминала, из каждого наушника, из каждой ячейки. Мягкий, обволакивающий голос. — Перед началом смены совершим общую единопаностройку.

Марк открыл глаза. На потолке зала зажглась голограмма

— та же самая радуга вокруг земного шара. Сотрудники замерли. Кто-то сидел, кто-то лежал, но все подняли лица к свету.

— Мы — клетки единого организма, — произнёс голос. — Мыслим синхронно, дышим в ритме. Отвергаем боль прошлого. Вверяем разум Великому Управителю, дабы он вёл нас к Свету.

В этот момент включились нейрошунты. Марк почувствовал, как по телу проходит тёплая волна. Мышцы расслабились. Мысли замедлились. На несколько секунд он перестал быть Марком 112. Он стал частью чего-то большего — единого организма, о котором говорил Священнослужитель. Это было приятно. Это было как тёплая ванна для мозга.

Но сегодня что-то пошло не так. Посреди волны Марк почувствовал короткий укол. Как будто кто-то коснулся его плеча ледяным пальцем и тут же отдернул руку. Он вздрогнул и открыл глаза. Волна ушла. Единонастройка закончилась.

— Что это было? — прошептал он, но Мириам не ответила.

Марк посмотрел на свои руки. Они дрожали — совсем чуть-чуть, едва заметно. Он сжал пальцы в кулак и разжал. Дрожь прошла. Он откинулся на подголовник и закрыл глаза. Панель интерфейса уже ждала его. Первый пациент на сегодня — гражданин G-781. Запрос на удаление паттернов, связанных с утратой служебного рейтинга.

— Приступаю, — сказал он вслух, чтобы активировать голосовой протокол.

Терминал ожил. Поток данных хлынул на экран. Марк погрузился в работу, и странный укол забылся сам собой. Почти забылся.

Глава 2. Серая зона

Гражданин G-781 лежал где-то в своей капсуле и не знал, что его воспоминание умирает. Марк смотрел на экран, где цветными линиями пульсировала нейрограмма пациента. Линии были в основном синие и зелёные — спокойные тона. Но в левом верхнем углу экрана горело алое пятно. Оно вибрировало, как живое. Так выглядел страх.

Марк увеличил пятно. Интерфейс послушно развернул перед ним трёхмерную карту гиппокампальной проекции. Вот синаптические связи. Вот кластер эмоциональной памяти. Вот триггер — событие, которое пациент хотел забыть. Марк осторожно коснулся сенсорной панели и вошёл в воспоминание.

Он увидел мужчину в стандартном сером комбинезоне. Тот стоял перед большим экраном в каком-то административном зале. На экране горели цифры рейтинга. Цифры падали. Они были красные — цвет понижения. Мужчина смотрел на них и не шевелился. Его лицо было спокойным, но тело предавало его: плечи опущены, пальцы сжаты в кулаки, дыхание частое и неглубокое. Марк знал эти признаки. Стыд. Страх. Ощущение, что ты недостаточно хорош.

— Зачем тебе это помнить? — прошептал Марк, как делал всегда, когда начинал процедуру.

Он обвёл пятно пальцем. Интерфейс отозвался мягким

сигналом. На экране появилось меню с опциями: «Полная элиминация», «Частичная редукция», «Замещение позитивным паттерном». Марк выбрал третье, как обычно. Полная элиминация оставляла пустоту, а пустота могла породить новую тревогу. Замещение было гуманнее. Человек не просто забывал боль — он получал на её место что-то тёплое, успокаивающее. Как подушка под голову.

Система предложила несколько вариантов замещающих эмоций. Марк пролистал их и остановился на «Удовлетворении стабильностью». Это была стандартная эмоция из пакета «Универсалис-базовый». Её использовали чаще всего. Она не давала острого счастья, но давала ровное, спокойное чувство, что всё идёт правильно. Марк нажал «Подтвердить».

Процесс занял меньше минуты. Алое пятно на нейрограмме побледнело, потом пожелтело, потом стало зелёным и растворилось в общем фоне. Система выдала отчёт: «Паттерн устранён. Замещение успешно. Индекс социальной гармонии пациента повышен на два пункта». Марк откинулся на подголовник и прикрыл глаза. Он получил очко эффективности. День начался хорошо.

— Марк 112, — прошептала Мириам в наушник. — Следующий пациент загружен. Гражданин L-334. Запрос: удаление паттернов, связанных с утратой близкого.

Марк открыл глаза и вздохнул. Утрата близкого. Это была самая тяжёлая категория. Не технически — технически удалить скорбь было даже проще, чем страх. Просто каждый

раз, работая с такими воспоминаниями, Марк чувствовал странную тяжесть в груди. Он не знал, откуда она бралась. Он никогда не терял близких, потому что у него их не было. Он вырос в детском кубе, а потом получил личную капсулу. Но тяжесть всё равно приходила, и он ничего не мог с ней поделать.

L-334 оказался женщиной средних лет. Её нейрограмма была тусклой, приглушённой — так выглядит мозг, который долго носит в себе горе. Марк нашёл кластер скорби и вошёл в него. Он увидел другую женщину, старше, с морщинами у глаз. Они сидели за столом и ели что-то, чего Марк никогда не видел. Это была не синтезированная паста из тюбика, а настоящая еда — жёлтая, рассыпчатая, похожая на зёрна. Женщины смеялись. Потом старшая вдруг исчезла, и осталась только пустота, и холод, и долгие часы в капсуле без сна.

Марк быстро обвёл кластер и выбрал замещение — «Тёплое воспоминание без привязанности». Это был сложный паттерн, он требовал больше времени. Нужно было сохранить факт, что старшая женщина существовала, но убрать боль от того, что её больше нет. Чтобы L-334 помнила лицо, но не помнила холода внутри. Марк работал аккуратно, как ювелир. Он гордился своей аккуратностью. Другие мнемхирурги часто делали грубо — стирали целые пласты памяти, оставляя людей с провалами в биографии. Марк так не делал. Он считал, что его работа — исцеление, а не ампутация.

Через двадцать минут паттерн был готов. Марк нажал «Подтвердить» и посмотрел на часы. До середины смены оставалось ещё три часа.

Он взял ещё двух пациентов подряд. Один боялся публичных выступлений, хотя никогда не выступал публично. Другой испытывал беспричинную тоску по вечерам. Марк удалил страх и приглушил тоску. Он работал быстро, почти механически. Его пальцы двигались по сенсорной панели сами собой. Он мог бы делать это во сне.

В перерыве он не стал включать рекреацию. Он просто лежал на ложе и смотрел в потолок. На потолке зала горела всё та же голограмма — радуга вокруг земного шара. Марк смотрел на неё и думал о странном уколе, который почувствовал утром во время единонастройки. Откуда он взялся? Система не должна давать сбоев. Может быть, ему показалось.

— Мириам, — тихо сказал он.

— Да, Марк?

— Сегодня утром, во время единонастройки, я почувствовал что-то странное. Как будто холод внутри.

Пауза. Мириам обрабатывала запрос.

— Твои нейропоказатели в норме, — сказала она наконец. — Отклонений не зафиксировано. Вероятно, это была микрореакция на колебания гравитации в лифте. Рекомендую сеанс миорелаксации после смены.

— Понятно, — сказал Марк.

Он не стал спорить. Мириам всегда всё объясняла. Но холод был другим. Он шёл не из мышц, а откуда-то изнутри, из того места, которому Марк не знал названия.

На рабочем интерфейсе вспыхнул значок личного сообщения. Марк скосил глаза. Сола 77.

Сердце пропустило удар. Всего один. Но достаточно, чтобы он почувствовал, как внутри разливается знакомая, тёплая волна. Три года. Три года он не видел её сообщений в личном канале. Только рабочие запросы, короткие, деловые, лишённые интонаций. Но даже сейчас, глядя на её номер, он слышал её голос. Слышал, как она смеётся. Как она шепчет его имя в темноте заброшенного куба. Как её пальцы сжимают его запястье, когда он целует её шею.

Он моргнул, прогоняя видение. Это было прошлое. Давнее прошлое. Когда они ещё могли прикасаться друг к другу. Когда он ещё мог вдыхать запах её волос — тёплый, сладковатый, живой. Запах, который не могла воспроизвести ни одна симуляция. Он помнил его до сих пор. Он помнил всё.

Сообщение гласило: «Марк, у меня сложный кластер. Страх смерти. Пациент видел несчастный случай. Не могу изолировать от ядра личности. Удалила сопутствующие, но ядро пульсирует. Что посоветуешь?»

Он прочитал сообщение трижды. Трижды — и каждый раз сердце сжималось от того, как формально это звучало. Как будто между ними ничего не было. Как будто она не лежала на его груди и не говорила, что никогда не была так

счастлива. Как будто он не целовал каждую родинку на её спине, запоминая их, как карту звёздного неба, которое никогда не видел.

Он думал о страхе смерти. Редкий запрос. В Элизиуме люди умирали тихо, во сне, без боли. Их тела утилизировали, сознание, если оно было подключено к сети, растворялось в общем потоке. Бояться было нечего. Но иногда кто-то видел смерть со стороны — несчастный случай на производстве, падение с высоты, старая запись из архивов. Тогда страх вползал в мозг и не уходил.

Марк знал этот страх. Он чувствовал его каждую ночь, когда закрывал глаза и вспоминал, как Сола смотрела на него с надеждой. Как она сказала: «Я люблю тебя». И как он промолчал. Он убил эту любовь. Медленно, трусливо, заботливо. Он думал, что защищает её. На самом деле он боялся. Боялся, что если признается в любви, это станет реальным. А реальная любовь в Элизиуме была опаснее любого страха смерти. Она могла разрушить всё.

Он набрал ответ, стараясь, чтобы пальцы не дрожали: «Попробуй наложить поверх „Толерантность к неизбежности“ из пакета „Универсалис-базовый“. Если не поможет, отправляй на глубокую заморозку до обновления протоколов».

Он хотел добавить что-то ещё. Тёплое. Личное. Спросить, как она. Спросить, помнит ли она запах его кожи. Спросить, снится ли ей море, в котором они никогда не были. Но он не мог. Слишком опасно. Для неё. Для него.

Сола 77 ответила почти мгновенно: «Спасибо. Свет Един».

Марк смотрел на эти слова и чувствовал, как внутри разрывается что-то, что он пытался склеить три года. «Свет Един». Ритуальная фраза. Пустая. Как имена, которые давала Система. Как их отношения, которые он сам превратил в пустоту.

Он написал: «В Единстве ответ» — и закрыл чат.

Пальцы дрожали. Он положил их на сенсорную панель, закрыл глаза и глубоко вздохнул. В груди бушевала страшная боль. Прошло три года, но разлука продолжала терзать его. Он любил её. Любил Солу. Он не мог жить без неё. Сожаление о прошлом, разбитые мечты, несвободные чувства — всё это пыталось его.

Он открыл глаза и посмотрел на экран. Сообщение исчезло. Сола 77 исчезла. Но её имя осталось. Оно пульсировало где-то глубоко внутри него. Он не мог стереть её. Он не хотел её стирать.

«Я люблю тебя», — прошептал он, зная, что она не услышит. — «Я всегда любил. Я просто был трусом».

Ему вдруг стало скучно. Скука была редким чувством. Обычно Система не давала скучать — всегда была работа, или рекреация, или новостная врезка. Но сейчас, в коротком промежутке между пациентами, Марк почувствовал пустоту. Он посмотрел на свои руки. Они лежали на сенсорной панели, расслабленные, бледные. Он пошевелил пальцами.

Пальцы двигались послушно, но как-то бессмысленно. Как будто они не принадлежали ему, а просто выполняли команды.

— Мириам, — сказал он. — Сколько я работаю мнемохирургом?

— Двенадцать лет, четыре месяца и семь дней, — ответила она. — Твой стаж — один из самых высоких в секторе. Ты входишь в верхние пять процентов по индексу эффективности. Поздравляю.

Марк кивнул. Двенадцать лет. Он начал, когда ему был двадцать один год. Сейчас ему тридцать три. Он провёл половину жизни, лёжа в этой капсуле и стирая чужие боли. Он никогда не задумывался, хорошая это работа или плохая. Это была просто работа. Кто-то собирал еду, кто-то чинил лифты, кто-то читал новости. А он стирал воспоминания. В этом не было ничего особенного.

Но иногда, в такие моменты тишины, он спрашивал себя: что чувствуют люди после его работы? Он знал, что чувствуют. Отчёты показывали: уровень тревоги снижается, социальная гармония растёт. Пациенты становились спокойнее, улыбчивее, лояльнее. Они переставали просыпаться по ночам и смотреть в потолок. Они переставали помнить лица тех, кто ушёл. Они становились счастливыми.

Но что-то в этом слове — «счастливые» — царапало Марка. Он не мог понять, что именно. Счастье ведь — это хорошо. Ради него всё и делалось. Ради него построили Элизи-

ум. Ради него Великий Управитель запускал проект «СОЛА ФИДЕ». Чтобы люди не страдали. Чтобы они жили в мире. Чтобы никто не чувствовал того холода, который Марк почувствовал сегодня утром. Он тряхнул головой и заставил себя вернуться к работе. Следующий пациент уже ждал.

До конца смены он обработал ещё четверых. Все стандартные запросы, ничего сложного. Марк работал на автомате, даже не вглядываясь в лица пациентов на нейрограммах. Он просто находил алые пятна, обводил их и заменял зелёными. Раз за разом. Час за часом.

За пятнадцать минут до конца смены на интерфейсе вспыхнул особый сигнал. Он был красный, не такой, как обычно. Он пульсировал и не гас. Марк замер. Он никогда не видел такого сигнала. Красный цвет означал высший приоритет.

— Внимание, — сказала Мириам голосом, который вдруг стал официальным, без тёплых нот. — Поступает экстренный файл от Департамента Безопасности Сознания. Уровень доступа: Альфа. Требуется подтверждение личности.

Марк прижал большой палец к сенсорной панели. Сканер считал отпечаток и рисунок капилляров. Система подтвердила личность. На экране появилась надпись: «Сегмент 7341. Казнь. Культ Плотника. Уровень угрозы: Альфа».

— Что это? — спросил Марк.

— Запрещённый контент, — ответила Мириам. — Тебе поручено проанализировать нейрограмму казнённой и вы-

явить источник её психологической устойчивости. На основе анализа необходимо создать алгоритм подавления для предотвращения распространения аналогичных паттернов.

Марк смотрел на экран и не двигался. Культ Плотника. Он слышал это название несколько раз в новостях. Его упоминали как опасную секту, которая отвергала блага Элизима. Её последователи поклонялись какому-то древнему богу и отказывались от рекреации. Их считали сумасшедшими. Их лечили, а если лечение не помогало — казнили.

— Приступай, — сказала Мириам. — Срок исполнения — двадцать четыре часа. Приоритет — максимальный.

Марк коснулся сенсорной панели, и файл открылся. Он ожидал увидеть обычную нейрограмму — серую, тусклую, с всплесками страха или гнева. Но то, что он увидел, заставило его замереть. Экран расцвел красками, которых он никогда не встречал. Золотистые линии. Глубокие синие волны. Мягкие розовые всполохи, похожие на рассвет. Нейрограмма пульсировала и дышала, как живое существо.

— Это ошибка, — прошептал Марк. — Данные повреждены.

— Данные не повреждены, — ответила Мириам. — Нейрограмма снята за час до казни. Состояние субъекта характеризуется как аномально стабильное. Приступай к анализу.

Марк медленно провёл пальцем по экрану. Изображение развернулось в глубину, и он увидел её лицо. Молодая женщина. Обычное лицо, не модельное. Веснушки на переноси-

це — редкость, потому что генетика граждан корректируется ещё до рождения. Глаза, смотрящие прямо, без страха. Лёгкая улыбка.

Марк читал аннотацию: «Субъект: Серафима, 24 года. Уборщица сектора F-12. Изобличена в проведении запрещённых ритуалов Культа Плотника. Казнена посредством отключения жизнеобеспечения капсулы. Особые приметы: отказ от удаления воспоминаний об умершей матери. Причина отказа: религиозные убеждения».

Он снова посмотрел на нейрограмму. Она была прекрасна. В ней не было ни одного алого пятна. Ни одного признака тревоги, страха или гнева. Только золото и синева. И глубокий, необъяснимый покой в самом центре.

Марк сидел и смотрел на неё. Смена закончилась, но он не уходил. Терминал мягко напомнил ему, что пора покинуть рабочее место. Он не слышал. Он смотрел на лицо Серафимы и впервые за много лет чувствовал что-то, чему не было названия в стандартном наборе эмоций. Это не было страхом. Не было печалью. Не было радостью.

Это было похоже на жажду. Но он не знал, чего хочет.

— Марк 112, — сказала Мириам. — Рабочий день окончен. Рекомендую проследовать в жилую ячейку. Завтра ты продолжишь анализ.

— Да, — сказал он. — Завтра.

Он закрыл файл. Экран погас. Лицо Серафимы исчезло, но её глаза остались где-то внутри, под веками. Марк под-

нялся с ложа, размял затёкшие плечи и пошёл к выходу. Вокруг него двигались другие сотрудники, такие же серые фигуры, но он их не замечал. Он думал о золотых линиях на нейрограмме. О том, как они пульсировали, как дышали.

В гравипоезде он сел у окна и смотрел на проплывающие мимо улы. Статуя Великого Управителя светилась в сумерках. Надстройка над левой рукой была почти закончена. Шпиль поднимался в небо, как игла. Марк смотрел на него.

Дома его ждала капсула. Ужин из тубика. Рекреация на выбор. Сон под контролем Мириам. Всё как всегда. Но когда Марк лёг на ложе и закрыл глаза, перед ним снова всплыло лицо Серафимы. Она улыбалась. Она смотрела прямо на него. И в её глазах был вопрос, который он пока не мог слышать.

— Мириам, — сказал он в темноту.

— Да, Марк?

— Почему она не боялась?

Пауза. На этот раз она длилась чуть дольше обычного.

— Это и предстоит выяснить, — ответила Мириам. — Завтра ты продолжишь анализ. А сейчас — спать.

Марк закрыл глаза. Система мягко отключила сознание, погрузив его в сон без сновидений. Но где-то на самой границе, между явью и темнотой, он почти услышал ответ. Он не был словами. Он был похож на далёкое пение, которое доносится из-за закрытой двери.

Дверь не открылась. Но Марк знал, что завтра он снова

встанет и попробует найти ручку.

Сон пришёл не сразу. Сначала было тихо. Потом наступила тьма. Она стала глубже. Теплее. Как будто кто-то вошёл в неё и ждал его.

Он стоял на берегу моря. Настоящего моря, не симуляции. Вода была тёмной, почти чёрной, и волны накатывали на песок с тихим, ровным шумом. Небо было усыпано звёздами — миллиардами звёзд, которых он никогда не видел в Элизиуме. Ветер пах солью и водорослями. Настоящий запах. Живой.

Она стояла у кромки воды. Сола. В белом платье, которое он никогда не видел, с распущенными волосами, развевающимися на ветру. Она смотрела на море, и её лицо было спокойным. Без страха. Без тревоги. Просто спокойным.

— Сола, — сказал он.

Она обернулась и улыбнулась. Той самой улыбкой, которую он помнил. Тёплой, настоящей, полной жизни.

— Ты пришёл, — сказала она. — Я знала, что ты придёшь.

— Где мы?

— Там, где мы всегда хотели быть. Там, где нет стен. Где нет номеров. Где мы просто Сола и Марк.

Он подошёл к ней. Взял её за руку. Её пальцы были тёплыми и живыми. Он сжал их и почувствовал, как внутри разливается тепло.

— Я должен был сказать тебе, — начал он. — Три года назад. Я должен был сказать, что люблю тебя.

— Я знаю, — сказала она. — Я всегда знала. Ты просто боялся. Но теперь ты не боишься.

— Нет. Теперь я не боюсь.

Она обняла его, и он чувствовал, как её сердце бьётся рядом с его сердцем. В унисон. Как одно.

— Ты видел её, — сказала Сола тихо. — Серафиму. Она показала тебе то, чего я не могла.

— Что?

— Что любовь не требует ответа. Что она просто есть. Что можно любить без страха, даже если тебя убьют за это.

Марк посмотрел в её глаза. В них не было обиды. Только понимание. Только та самая тишина, которую он видел в нейрограмме Серафимы. Но Марк ещё не понимал этих слов.

— Ты тоже такая, — сказал он. — Ты тоже не боишься. Ты сказала мне «я люблю тебя», даже когда я молчал. Ты не боялась.

— Я боялась, — сказала она. — Я боялась каждую секунду. Но я любила тебя больше, чем страх.

Он поцеловал её. И в этом поцелуе была вся жизнь, которой у них никогда не было. Все слова, которые он не сказал. Все мгновения, которые он украл у Системы. Всё тепло, которое он прятал внутри себя, боясь, что оно сожжёт его.

Когда он отстранился, море стало светлее. Звёзды гасли, уступая место розовому рассвету. Сола улыбнулась и отпустила его руку.

— Ты должен идти, — сказала она. — Там тебя ждут.

— Я вернусь?

— Ты всегда можешь вернуться. Я буду здесь. Ждать.

Она шагнула назад, и вода коснулась её ног. Волны поднимались всё выше, омывали её колени, её бедра.

— Сола! — крикнул он, пытаясь схватить её.

Но она улыбнулась и покачала головой.

— Не бойся, Марк. Это не конец. Это только начало.

Она сделала ещё шаг назад, и вода приняла её. Её тело растворилось в тёмной глади, и только её лицо ещё сияло над водой, как утренняя звезда.

— Помни, — сказала она. — Любовь — это выбор. Каждый день. Каждый час. Каждую минуту. Выбирай любовь.

И она исчезла. Но море осталось. И звёзды. И запах соли. И тепло её пальцев на его руке.

Он стоял на берегу один. Ветер стих. Вода стала прозрачной, и в ней он увидел лицо. Не Сола. Другое. Серафима смотрела на него из глубины, и в её глазах не было вопроса. Только ответ. Тот самый ответ, который он не мог слышать в реальности.

«Любовь — это выбор», — сказала она, и голос её был похож на пение.

Марк проснулся. Слёзы текли по его щекам. В капсуле было тихо. Мириам молчала. Он лежал и смотрел в потолок, и чувствовал, как внутри него разливается то же тепло, которое он чувствовал во сне. Тепло её пальцев. Её голос. Её

слова: «Любовь — это выбор».

Он сел на ложе и прошептал в темноту:

— Я выбираю любовь. Каждый день. Каждый час. Каждую минуту.

Глава 3. Мнемохirurg

Утром Марк снова проснулся до сигнала. Он лежал с открытыми глазами и смотрел в белый потолок, ожидая, когда Мириам пожелает ему доброго утра. В голове было пусто и тихо. Так бывает, когда просыпаешься слишком рано и ещё не успел вспомнить, кто ты и зачем живёшь. Марк любил эти несколько секунд. Они были единственным временем за день, когда он ничего не должен был Системе.

Потом пришёл сигнал, и Мириам сказала своё обычное приветствие. Индекс сна — восемьдесят четыре процента. Фаза быстрого сна сокращена на три минуты. Ты прекрасно выглядишь. Марк выслушал это молча и сел на ложе. Батончик, тубик с кофе, утренний биоанализ. Всё как вчера. Но что-то изменилось.

Он понял это, когда доедал завтрак. Вчера, перед сном, он думал о женщине с нейрограммы. О Серафиме. Её лицо стояло у него перед глазами, пока он засыпал. Потом этот сон... И сейчас, при свете утренних панелей, он никуда не исчез. Он висел где-то на краю сознания, как забытое сообщение, которое нужно прочитать.

— Рекреация? — спросила Мириам.

— Нет, — сказал Марк.

Пауза. Мириам не привыкла к отказам.

— Утренняя рекреация рекомендована для стабилизации

эмоционального фона, — напомнила она.

— Я стабилен, — сказал Марк и сам удивился своим словам.

Он оделся и вышел в коридор. Соседи двигались к лифтам, произносили ритуальные фразы. «Свет Един». «В Единстве ответ». Марк повторял за ними, но мысли его были далеко. В гравипоезде он не смотрел в окно. Он смотрел в пол и вспоминал нейрограмму Серафимы. Золотые линии. Синие волны. И покой в самом центре.

Он пытался понять, что его так зацепило. Он видел тысячи нейрограмм за свою карьеру. Он знал все оттенки страха, гнева, печали, стыда. Он мог с первого взгляда определить, что у пациента не в порядке, ещё до того, как Система выдавала расшифровку. Но нейрограмма Серафимы была другой. В ней не было ничего неправильного. Совсем ничего. Как будто она уже прошла через чью-то обработку. Но она не проходила. В аннотации было сказано, что она отказалась от удаления воспоминаний. Значит, её мозг сам, без помощи извне, пришёл в такое состояние. Это было невозможно. Но Марк видел это своими глазами.

Рабочий улей встретил его обычной суетой. Те же лица, те же серые комбинезоны, та же голограмма радуги под потолком. Марк занял своё место и подключил интерфейс. Единонастройка прошла без сбоев. Тёплая волна накрыла его, растворила границы, сделала частью целого. Но сегодня он не до конца растворился. Где-то внутри осталась маленькая

твёрдая точка, которая не хотела таять.

— Марк 112, — сказала Мириам, когда ритуал закончился. — Приоритетный файл «Сегмент 7341» ожидает продолжения анализа. Время исполнения — девятнадцать часов.

— Приступаю, — сказал Марк.

Он открыл файл. Нейрограмма Серафимы снова расцвела на экране золотом и синью. Марк смотрел на неё и не мог отвести глаз. Она была красива. Не в том смысле, в каком красива симуляция заката или голографический цветок. В ней была живая красота. Неправильная, несимметричная, не подогнанная под стандарт. Как лицо с веснушками.

Он начал с базового сканирования. Система послушно разложила нейрограмму на слои: кора, лимбическая система, ствол. Марк пролистывал их один за другим и везде видел одно и то же. Норма. Норма. Норма. Никаких всплесков тревоги. Никаких признаков депрессии. Уровень кортизола пониженный. Дофамин в равновесии. Серотонин чуть выше среднего, но не настолько, чтобы говорить о патологии. Обычный, спокойный, здоровый мозг.

Кроме одного.

В центре, в глубине лимбической системы, горел маленький кластер, который Система не могла классифицировать. Он пульсировал мягким, ровным светом. Ни красный, ни зелёный, ни синий. Он был белый. Вернее, он был никакой. Система просто не знала, какой цвет ему присвоить.

Марк увеличил кластер. Интерфейс выдал сообщение:

«Неклассифицируемая эмоциональная активность. Вероятная причина: религиозный экстаз. Рекомендация: изолировать и заблокировать».

Религиозный экстаз. Марк слышал этот термин. Он всплывал в учебных материалах, когда он проходил базовую подготовку. Так называли состояние, в котором древние люди входили в контакт со своими вымышленными богами. Это считалось психическим отклонением. В эпоху Универсалис его искоренили, как и все прочие формы массового психоза.

Но то, что он видел на экране, не было похоже на психоз. Психоз — это хаос. Это рваные линии, дикие скачки гормонов, спутанные нейронные связи. Здесь был порядок. Глубокий, гармоничный порядок. Как музыка, которую играет невидимый оркестр.

Марк отмотал запись назад, к началу. Он хотел понять, когда возник этот кластер. Нейрограмма послушно открутилась на несколько дней. Марк увидел обычную жизнь Серафимы. Подъём, завтрак, работа, возвращение в капсулу. Всё стандартно. Но в один из вечеров появился всплеск.

Она была не в капсуле. Она была где-то вне Системы. Её нейрограмма показывала перемещение в пространстве — она спускалась по каким-то лестницам, шла по туннелям. Потом остановилась. Потом — вспышка. Не яркая, не резкая, а мягкая, тёплая, как огонь свечи. И с этого момента в её нейрограмме появился тот самый белый кластер.

Марк попытался открыть аудиоряд этого момента. Интерфейс запросил пароль доступа. Он ввёл свой личный код. Система на мгновение задумалась и выдала ответ: «Аудиоряд удалён как вербальный вирус. Доступ запрещён».

— Что значит «вербальный вирус»? — спросил Марк вслух.

— Информация ограничена, — ответила Мириам. — Тебе поручено работать с эмоциональной матрицей. Аудиоряд не требуется.

— Но я не могу понять источник без аудиоряда. Как она вошла в это состояние? Что ей сказали?

— Это несущественно. Существенен результат. Ты должен создать алгоритм подавления. Срок исполнения — восемнадцать часов.

Марк сжал зубы. Он не привык спорить с Мириам. Но сейчас что-то внутри него заупрямилось. Ему нужно было знать, что она слышала в том туннеле. Какие слова вызвали эту вспышку покоя.

Он снова склонился над нейрограммой и стал изучать визуальный ряд. Может быть, по движениям губ, по мимике, по жестам он сможет восстановить смысл.

Серафима сидела в полутьме. Вокруг неё были люди — пять или шесть фигур, чьи лица система скрыла фильтрами конфиденциальности. Они сидели кругом. Перед ними на грубом столе лежало что-то, чего Марк не мог разглядеть. Серафима взяла это в руки. Это был кусок хлеба. Настояще-

го хлеба, не синтезированного батончика. Он был тёмный, неровный, с трещинами на корке.

Она разломилась. И в этот момент её нейрограмма взорвалась тишиной. Такой глубокой, такой полной, что Марк замер. Он никогда не видел ничего подобного. Даже под сильнейшими седативными препаратами мозг не достигал такой степени покоя. Как будто кто-то взял всё её существо в ладони и сказал: «Всё хорошо. Теперь всё хорошо».

Губы Серафимы двигались. Она говорила. Марк всматривался в пиксели, пытаясь прочесть слова. Он не умел читать по губам, этому не учили в Школе Мнимохирургов. Но одно слово он разобрал. Оно повторялось несколько раз, простое и короткое. «Тело».

«Тело». Какое тело? Чьё тело? Марк не понимал. Он откинулся на подголовник и потёр виски. Голова начинала болеть. Мириам тут же отреагировала:

— Уровень кортизола повышен. Рекомендую перерыв.

— Позже, — сказал Марк.

Он продолжил смотреть. Серафима передала кусок хлеба соседу. Потом взяла в руки чашу — простую, глиняную, грубую — и отпила. Нейрограмма снова показала всплеск покоя. Губы двигались. Марк напряг зрение. Ему показалось, что она произнесла ещё одно слово. «Кровь».

Тело и кровь. Хлеб и чаша. Марк не знал, что это значит, но внутри у него что-то дрогнуло. Как будто далёкое эхо отозвалось на эти слова, хотя он слышал их впервые. Он открыл

поисковый запрос в рабочем интерфейсе и набрал: «Хлеб и чаша. Тело и кровь. Значение».

Система на секунду зависла. Потом выдала короткий ответ: «Запрос отклонён. Тема классифицирована как вербальный вирус. Повторный запрос будет передан в Службу Безопасности».

Марк закрыл поиск. Сердце стучало быстрее обычного. Он не понимал, что с ним происходит. Он нарушал протоколы. Он задавал вопросы, которые нельзя задавать. Он вёл себя как человек, у которого понижен индекс социальной лояльности. Но остановиться он не мог.

Он вернулся к нейрограмме и пролистал её дальше. Момент ареста. Серафиму взяли прямо в её капсуле. Она не сопротивлялась. Нейрограмма показывала лёгкое ускорение пульса, но это был не страх. Это было похоже на волнение перед встречей. Как будто она ждала того, что произойдёт.

Марк перемотал запись к началу сеанса. Камера включилась. Комната была пустой, стерильно-белой. Стол, два стула, яркий свет без теней. Серафима сидела на одном стуле. Напротив неё — мужчина в серой форме Департамента Безопасности. Фильтры конфиденциальности размыли его лицо, оставив только контур, но голос был чётким, холодным, с лёгким скрежетом в интонации. Голос человека, который привык, что ему подчиняются.

— Субъект Серафима, — начал следователь. — Ты обвиняешься в распространении вербального вируса, известного

как «христианство». Ты признаёшь свою вину?

Серафима сидела прямо. Руки на столе, расслабленные. Пальцы не сжаты в кулаки, как у пациентов Марка. Не дрожат. Просто лежат, слегка касаясь друг друга. Она смотрела на следователя с любопытством. Как будто он был не угрозой, а странным экспонатом.

— Я не распространяла вирус, — сказала она. Голос тихий, ровный. — Я делилась радостью.

— Радостью? — следователь усмехнулся, и усмешка была механической, заученной. — Ты участвовала в нелегальных собраниях. Ты читала запрещённые тексты. Ты учила других отказываться от благ Элизиума. Это не радость. Это измена.

— Я никого не учила отказываться. Я просто говорила им о Христе. О том, что Он умер за нас и воскрес. О том, что Он ждёт каждого, кто поверит.

Следователь откинулся на спинку стула. Скрестил руки на груди. Его голос стал тише, почти вкрадчивым.

— Христос — это вымысел. Древняя сказка, которая приносит только страдания. Ты видела, что происходит с теми, кто верит в Него? Они умирают. Они оставляют детей сиротами. Они отвергают спасение, которое предлагает им Великий Управитель. Это не любовь. Это самоубийство.

Серафима улыбнулась. Не насмешливо. Не горько. Тихо, тепло. Как будто она вспомнила что-то очень хорошее.

— Смерть — это не конец, — сказала она. — Это дверь. И за этой дверью стоит Он.

Следователь наклонился вперёд. Его голос стал жёстче, быстрее. Как будто он терял терпение.

— Твоя мать умерла от такой же веры, верно? Она тоже была в этом культе. Она отказалась от лечения. Она предпочла умереть, чем принять наномодуль. И ты идёшь по её стопам. Почему? Ты хочешь умереть так же, как она?

Лицо Серафимы дрогнуло. Всего на мгновение. Марк увидел это — короткое колебание, мгновенную тень в глазах. Нейрограмма показала всплеск в лимбической системе. Не тревоги. Не гнева. Скорби. Глубокой, старой скорби, которая пряталась где-то в самом ядре её памяти.

— Моя мать не умерла, — сказала она. Голос её чуть дрогнул, но только на мгновение. — Она живёт. Она живёт в доме Отца. И я увижу её снова. Не в симуляции, не в рекреационном сне. По-настоящему.

Следователь встал. Прошёлся по комнате. Остановился за её спиной. Теперь она не видела его лица, только слышала голос.

— Мы можем тебя вылечить, — сказал он. — Мы можем стереть эти воспоминания. Ты перестанешь чувствовать боль. Ты перестанешь бояться. Ты станешь свободной.

Серафима не повернулась. Она смотрела прямо перед собой, на пустую стену. Её голос был спокоен.

— Свободной? Вы предлагаете мне стереть память о матери. О том, как она держала меня на руках. О том, как она учила меня молиться. Это не свобода. Это плен.

— Это освобождение от страданий.

— Страдания — это часть жизни. Их нельзя избежать, их можно только пройти. С Тем, Кто идёт рядом.

Следователь вернулся на своё место. Некоторое время он сидел молча, глядя на неё. Потом его голос стал мягче. Почти дружелюбным.

— Мы можем сохранить тебе жизнь, Серафима. Мы можем оставить тебе твои воспоминания. Всё, что тебе нужно сделать — это отречься от своего культа. Публично. Сказать, что ты ошиблась. Что ты возвращаешься в лоно Универсалис. Ты будешь жить в Элизиуме. У тебя будет работа, еда, рекреация. Ты будешь в безопасности.

Серафима подняла глаза. Посмотрела на него прямо. В её взгляде не было колебаний. Только решимость. Глубокая, наполненная, непоколебимая.

— Нет, — сказала она. — Я не отрекусь. Христос — мой Господь. Я умру за Него, как Он умер за меня.

Следователь замер. Его голос сорвался на крик — впервые за всё время допроса.

— Ты глупая! Ты жертвуешь жизнью ради вымысла! Ради пустоты! Ради ничего!

Серафима улыбнулась. И в этой улыбке была такая полнота, что Марк почувствовал, как слёзы подступают к глазам. Она сказала тихо, почти шёпотом:

— Ради всего.

Следователь встал. Его голос стал официальным, сухим,

механическим.

— Ты приговорена к казни. Приговор будет приведён в исполнение завтра на рассвете.

Серафима подняла голову. Посмотрела прямо в камеру, которая висела над дверью. Прямо в глаза Марку, который смотрел на неё через десятилетия и километры.

Марк перемотал запись на несколько часов вперёд. Следующая сцена началась в капсуле. Маленькой комнате, похожей на его собственную, но с прозрачными стенками. Серафима лежала на ложе. Её руки были сложены на груди. Глаза открыты. Она смотрела в потолок и, казалось, слушала что-то, чего никто другой не слышал.

Вокруг стояли санитары. Четверо в белых костюмах, с нейрорезонаторами в руках. Их лица были бесстрастными, как у всех, кто привык выполнять приказы без вопросов. Один из них, старший, склонился над Серафимой и проверил её пульс. Другой держал наготове инъектор с препаратом, который отключал жизнеобеспечение. Третий записывал показания на планшете. Четвёртый просто стоял у двери и ждал.

Голос Системы зазвучал из динамиков над капсулой. Он был ровным, безэмоциональным, лишённым той заботливой имитации, которую Марк знал по Мириам.

— Приговор: высшая мера наказания за распространение вербального вируса «христианство» и отказ от благ Элизиума. Приговор приведён в исполнение.

Серафима слушала, не двигаясь. Её лицо было спокойным. Глаза смотрели в потолок, но не видели его. Марк видел её нейрограмму на втором экране: золотые линии пульсировали ровно, без всплесков. Только сердце — оно билось чуть быстрее обычного. Не от страха. От ожидания.

Старший санитар подошёл ближе. Он держал в руке маленький прибор, похожий на иглу. Он должен был ввести его в основание черепа, чтобы отключить центры жизнеобеспечения. Быстро, безболезненно. Серафима не смотрела на него. Она смотрела в потолок, и на её губах играла лёгкая улыбка.

— Ты имеешь право на последние слова, — сказал старший санитар. Его голос был ровным, без интонаций. Он просто выполнял протокол.

Серафима повернула голову. Посмотрела на него. Потом на остальных санитаров. Потом прямо в камеру, которая висела над ложем. Прямо в глаза Марку. Её губы шевельнулись.

— Прощаю вас, — сказала она. Каждое слово было отчётливым, ясным, как вода. — Вы не знаете, что творите. Но я молюсь за вас. За всех вас.

Санитар замер на мгновение. Его рука дрогнула. Но только на мгновение. Потом он опустил иглу.

В этот момент нейрограмма Серафимы дала вспышку. Короткую, яркую, интенсивность которой превышала всё, что Марк когда-либо регистрировал. Зрительная кора — зона, отвечающая за образы. Она видела что-то. Что-то, что было

за пределами капсулы, за пределами комнаты, за пределами самой реальности. Вспышка длилась долю секунды, но в ней было столько света, что Марк на мгновение ослеп.

Она улыбнулась. Широко. Как ребёнок, который увидел что-то прекрасное. Иголка вошла. Нейрограмма пошла рябью. Золотые линии задрожали, потом выровнялись. Потом — смерть. Прямая линия на мониторе. Отсутствие ритма. Отсутствие жизни.

Серафима перестала дышать. Её глаза закрылись. Улыбка осталась на её лице. Марк сидел, не двигаясь. Он смотрел на мёртвое лицо Серафимы, на её улыбку, на её спокойствие. Он чувствовал, как по его щекам текут слёзы. Он не пытался их остановить. Он смотрел на экран и думал о том, что она видела. О том, что заставило её улыбнуться в последний миг. О том, что было за пределами этой комнаты. За пределами жизни. Он закрыл глаза и прошептал в темноту:

— Что ты видела, Серафима?

В Элизиуме люди плакали редко. Слёзы были признаком нестабильности, их полагалось удалять в первую очередь. Марк не плакал с детства. Он и в детстве-то не плакал — у него не было повода. Но сейчас слёзы текли сами собой, и он ничего не мог с ними сделать.

— Марк 112, — сказала Мириам. Голос её стал строже. — Твой эмоциональный фон находится в красной зоне. Уровень тревоги превышает допустимый порог. Запускаю протокол принудительной стабилизации.

— Нет! — сказал Марк громче, чем хотел.

Но было поздно. Имплант на виске коротко завибрировал, и по телу прошла волна ледяного спокойствия. Эмоции отключились. Слезы остановились. Сердце замедлилось. Марк сидел на ложе и чувствовал себя куклой, у которой обрезали ниточки.

— Стабилизация завершена, — сообщила Мириам. — Рекомендую перерыв на обед.

Марк не ответил. Он смотрел на замерший экран, где всё ещё горели последние кадры нейрограммы Серафимы. Он знал, что через несколько минут придёт в норму. Протокол принудительной стабилизации длился недолго. Но сейчас, в этом искусственном покое, он вдруг понял разницу между тем, что он чувствовал сейчас, и тем, что он видел у неё.

Сейчас он был пуст. А она была полна. Его покой был лекарством. Её покой был даром.

Таймер на интерфейсе мигнул, напоминая о сроке исполнения. Семнадцать часов. За это время он должен был создать алгоритм подавления. Найти способ стереть из человеческого мозга самую возможность испытывать то, что испытывала она. Марк закрыл файл и пошёл на обед.

В столовой было тихо. Сотрудники сидели за длинными столами, ели свои батончики, запивали тубиками. Никто не разговаривал. Только тихое гудение вентиляции и шорох упаковок. Марк сел на свободное место и уставился в стену. Есть не хотелось. Вообще ничего не хотелось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.